

СОРОК ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Понедельник 17 июня 1946 года, 2 ч. 30 м. дня Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

80. Предварительная повестка дня (S/86)

1. Утверждение повестки дня.
2. Доклад Генерального Секретаря Председателю Совета Безопасности о полномочиях представителя Союза Советских Социалистических Республик (S/85).
3. Испанский вопрос:
 - а) Письмо представителя Польши от 8 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/32)¹⁶⁵.
 - б) Письмо представителя Польши от 9 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/34)¹⁶⁶.
 - в) Доклад Подкомитета по испанскому вопросу, учрежденного Советом Безопасности 29 апреля 1946 года (S/75)¹⁶⁷.
 - г) Заключение о фактической стороне испанского вопроса (меморандум в дополнение к докладу Подкомитета) (S/76)¹⁶⁷.
 - е) Письмо представителя Бразилии от 2 июня 1946 года на имя председателя Подкомитета по испанскому вопросу, учрежденного Советом Безопасности 29 апреля 1946 года (S/77)¹⁶⁷.

81. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

82. Доклад Генерального Секретаря о полномочиях представителя СССР

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Вторым пунктом на повестке дня стоит доклад Генерального Секретаря Председателю Совета Безопасности о полномочиях представителя СССР в Совете Безопасности. Упомянутый документ уже роздан для ознакомления.

Доклад принимается.

¹⁶⁵ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение За.

¹⁶⁶ Там же, приложение Зб.

¹⁶⁷ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Специальное дополнение, пересмотренное и исправленное издание.

83. Речь нового Председателя

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Прежде чем перейти к следующему пункту повестки дня, я должен сказать несколько слов.

Я приступаю к обязанностям, возложенным на Председателя Совета Безопасности, преисполненный самых искренних намерений, направленных на взаимопонимание и благожелательность в отношении всех членов Организации Объединенных Наций, а также на полное уважение к их общей заинтересованности в мировой устойчивости и в дружелюбии между нациями.

Мои первые слова по этому случаю должны быть: обращены к моему коллеге г-ну Александру Пароди, чье тактичное и умелое руководство работой этого органа могло, за время его председательства, лишь усилить чувства интереса, симпатии и постоянно возрастающего уважения, которые я к нему испытывал. Воздавая должное ценности его работы, я не сомневаюсь, что точно выражаю единодушное мнение всех членов Совета.

Мы обязались сотрудничать в интересах всеобщего мира и свободы человечества и всегда должны идти навстречу усилиям тех, кто стремится к этой нашей основной цели и кто обнаруживает этим свое понимание международного сотрудничества нового типа, созданного накануне торжества демократии пятидесятью одним свободлюбивым государством.

Этот исторический конгресс успешно преодолел самые трудные и как будто неразрешимые проблемы благодаря убеждению, что для поддержания мира и справедливости никакие жертвы не могут быть чрезмерны, и вследствие общего признания того, что безопасность любой страны и счастье каждого народа совершенно необходимы для длительного процветания и прогресса всех остальных.

Чтобы обеспечить мир и безопасность, мы должны эффективно сотрудничать в этом органе, даже жертвуя иногда известными интересами; у нас нет другого выхода или другого выбора, так как любое решение, принятое Организацией Объединенных Наций, может рассматриваться как не отвечающее непосредственным интересам известной стороны, тогда как всякая несостоятельность Организации Объединенных Наций в отношении поддержания мира и безопасности может лишь стать всеобщей неудачей.

Несмотря на все препятствия, которые могут от времени до времени появляться при выполнении нашей задачи, я глубоко убежден, что мы всегда будем в силах поддержать всеобщий мир и безопасность, при условии чтобы все члены Организации Объединенных Наций без единого

исключения постоянно помнили о тех намерениях и принципах, которые так удачно были провозглашены в прошлом году в этой стране благодаря творческому духу и энергии составителей нашего Устава.

Наконец, я верю, что значительный опыт, которым мы уже обогатились в этом главном органе Объединенных Наций, будет для нас неоценимым и полезнейшим запасом знаний и источником той мудрости, которую можно приобрести, лишь смело подходя к возникающим перед нами серьезным проблемам широкого значения и разрешая их в духе справедливости и дружелюбия.

Таковы чувства, которые я испытываю, приступая к исполнению обязанностей Председателя Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Я отлично сознаю серьезную ответственность, с которой связана для меня эта исключительная честь, и буду нести эту ответственность, постоянно прибегая к вашему сотрудничеству, которое мне так необходимо. Убежденный в вашем искреннем стремлении к всеобщему согласию, я знаю, что вы не откажете мне в этом сотрудничестве, за которое вас заранее благодарю. Что касается меня, то излишне говорить, что я всегда буду стараться давать вашим намерениям и мнениям правильную интерпретацию.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я хочу присоединиться к словам благодарности, обращенным к нашему бывшему председателю г-ну Пароди, и я выражу, думается, чувства всего Совета, отметив, как глубоко мы оценили тот образ действий, которому следовал г-н Пароди при исполнении своих председательских обязанностей. Он проявил при этом высокую степень тактичности, точности и беспристрастия, равно как и большой политический опыт. Мы все знаем, что эти качества характеризуют французский творческий гений. В связи с этим я также хочу выразить от имени всех членов Совета наши лучшие пожелания его стране и надежду, что Франция, которая вновь обрела свою свободу, опять займет свое место в ряду наиболее блестящих культурных и политических мировых центров.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-французски*): Я хочу присоединиться к тому, что сказал представитель Польши, воздавая должное нашему бывшему председателю. Мне кажется, что г-н Ланге отлично выразил чувства, одушевляющие всех членов Совета, подчеркнув обаяние и учтивость, которыми отличаются французы. Я могу сказать, что г-н Пароди в большой степени содействовал успеху наших прений, и думаю, что Франция может по справедливости гордиться своим представителем в Совете Безопасности.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу присоединиться к тем словам, которые были сказаны здесь вами, представителем Польши и представителем Голландии по поводу работы г-на Пароди в качестве Председателя Совета Безопасности. Я считаю, что его задача была нелегкой, вместе с тем я считаю, что выполнена эта задача им вполне успешно.

Г-н ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Позвольте мне искренно поблагодарить Председателя и моих коллег за любезные слова, с которыми они ко мне только что обратились. Я желаю также выразить мою благодарность всем членам Совета Безопасности за их дружественное отношение и любезное сотрудничество, позволившие мне справиться с положением, которое в силу характера вопросов, стоявших на повестке дня, было до некоторой степени щекотливым. Я сожалею, что новый Председатель не унаследует от меня ясной обстановки; я хотел довести до конца дебаты, продолжающиеся уже целый месяц. Я надеюсь, что новый Председатель более удачно выполнит эту задачу. Я уверен, что под его руководством прения в Совете Безопасности послужат интересам всеобщего мира и укрепят престиж Организации Объединенных Наций.

84. Обсуждение испанского вопроса (продолжение)

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Так как мне приходится вновь открыть прения по испанскому вопросу, я хочу начать несколькими запоздалыми, но вполне искренними словами, воздающими должное г-ну Пароди за его работу в качестве Председателя Совета. Я думаю, что проявленное им на этом посту умение в значительной степени способствовало успешному ведению дела, и я уверен, что мы все глубоко оценили его компетентность, терпение и любезность.

Что касается испанского вопроса, то, по моему мнению, работа Подкомитета несомненно убеждает нас в том, что существующий в Испании режим чрезвычайно далек от того, который у нас в Англии мог бы быть назван режимом демократическим. Испания представляет собою так называемое полицейское государство, в котором действует однопартийная система, где мало или нет совсем свободы слова и свободы печати и где политические противники подвергаются преследованиям.

К тому же, роль Франко во время войны, вне всяких сомнений, достаточно непривлекательна, хотя мне не совсем ясно, какое это может иметь отношение к рассматриваемому вопросу. Мое правительство конечно никогда не скрывало своей антипатии к этому режиму и, как вы знаете, оно неоднократно выражало свое к нему отвращение. Мое правительство присоединялось ко всем декларациям, осуждавшим этот режим, и конечно продолжает поддерживать эти декларации. Поэтому нет оснований извращать или неправильно освещать, в целях пропаганды или в каких-либо других целях, наш общий подход к данной проблеме.

Те декларации, о которых я упомянул, вполне уместны и правильны. Всем правительствам государств, состоящих в Организации Объединенных Наций, позволительно выразить свою антипатию к этому режиму. Эти правительства имеют полное право заявить, что они не будут голосовать за принятие данного государства в Организацию Объединенных Наций. Они вправе также высказать свою надежду, что такого рода режим будет, быть может, заменен другим. Я ду-

маю, что это ясно следует из декларации, на которую ссылаются в резолюции, предложенной нам на сорок пятом заседании представителем Австралии. Упомянутая декларация была сделана Соединенным Королевством, Соединенными Штатами Америки и Францией 4 марта сего года¹⁸⁸. В этой декларации говорится: «Нет никакого намерения вмешиваться во внутренние дела Испании. Испанский народ должен сам в конце концов выковать свою собственную судьбу» и «...выражается надежда, что передовые патриотичные и либерально мыслящие испанцы скоро найдут способ добиться мирного ухода Франко...».

Но предложение, которое мы в настоящее время рассматриваем, насколько я его понимаю, совершенно другого рода. То, что предлагается теперь, — это чтобы Объединенные Нации как таковые предприняли совместные шаги и оказали совместное давление на Испанию, с тем чтобы свергнуть существующий там режим.

Независимо от сомнений, которые каждый из нас может иметь относительно эффективности предлагаемого плана, я должен сказать, что мое правительство весьма сомневается в том, чтобы Совет Безопасности имел юридическое право вмешиваться во внутренние дела государства, если таковое вмешательство не вызвано определенной угрозой поддержанию международного мира и безопасности. Мы создадим этим вмешательством прецедент, а между тем чрезвычайно важно, чтобы Организация Объединенных Наций действовала на строго правовых основаниях.

Позвольте мне в связи с этим резюмировать сомнения моего правительства. Прежде всего несомненно, что политический режим всякой страны представляет собой вопрос ее внутренней компетенции, как согласно Уставу Организации Объединенных Наций, так и согласно Атлантической хартии, под которой, мне кажется, подписалось большинство, если не все правительства, представленные в Совете.

Когда я впервые ознакомился с докладом Подкомитета по испанскому вопросу, я был, признаюсь, удивлен, что наряду с десятком ссылок на разные статьи Устава я не нашел никакого упоминания о пункте 7 статьи 2, который трактуется вопрос о внутренней компетенции. Я уверен, что все мои коллеги знакомы с этим пунктом, но будет все же полезно его здесь огласить. Он говорит следующее:

«Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава...».

Я полагаю, что этот текст вполне ясно указывает на намерения составителей Устава. Они имели в виду не допустить вмешательства Организации Объединенных Наций в чисто внутренние дела государств. Но мудрость авторов Устава подсказала им одно исключение. Они доба-

вили в конце этого пункта слова: «однако этот принцип», т. е. принцип невмешательства в дела внутренней компетенции, «не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII». Вот почему польский проект резолюции, внесенный на тридцать четвертом заседании, предлагает принять меры согласно статьям 39 и 41.

Подкомитет продолжал рассматривать это дело и нашел в пункте 16 упомянутого доклада следующее:

«Первым подлежащим рассмотрению важнейшим вопросом является вопрос о том, оправдывает ли положение в Испании принятие самим Советом Безопасности мер прямого воздействия на основании главы VII, предусматривающей различные виды принудительных действий, которые члены Организации должны предпринимать по указанию Совета Безопасности».

Кроме того, в пункте 19 говорится:

«Прежде всего возникает вопрос, оправдывают ли наличные доказательства определенное и положительное заключение в соответствии со статьей 39».

Как каждый помнит, статья 39 является первой статьей главы VII Устава и говорит, что «Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии...». Когда это определено, Совет может сделать свои рекомендации о необходимых мерах в соответствии со статьями 41 и 42.

По этому поводу Подкомитет совершенно определенно говорит в пункте 22 своего доклада следующее:

«По мнению Подкомитета, Совет Безопасности не может, на основании имеющихся доказательств, принять решение, требуемое статьей 39. Нарушения мира до сих пор не произошло. Акты агрессии не доказаны. Угроза миру не установлена...».

Но несмотря на это Подкомитет полагает, быть может справедливо, что нельзя так оставлять дела. Он находит, что «ситуация в Испании может угрожать поддержанию международного мира и безопасности». Но слова «может угрожать поддержанию международного мира и безопасности» фигурируют в главе VI, а не в главе VII. Поэтому Подкомитет основывается на главе VI.

Мое правительство серьезно сомневается в правильности такого взгляда и в том, что упомянутая глава фактически относится к делу этого рода. Ввиду того что Подкомитет основывается на главе VI, можно было бы ожидать, что он будет рекомендовать меры и процедуру согласно этой главе, но он этого не делает. Резолютивная рекомендация Подкомитета предлагает правительствам состоящих в Организации Объединенных Наций государств повзвать дипломатические отношения с Испанией. Эта мера принадлежит к категории так называемых санкций, которые предусмотрены главой VII Устава. Таким образом мы опять возвращаемся к главе VII.

Но Подкомитет, как я уже указал, отказался руководиться главой VII, что подтверждается пунктом 22, в котором говорится:

¹⁸⁸ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Специальное дополнение, пересмотренное и исправленное издание, стр. 42.

«Поэтому применение одной из принудительных мер, указанных в статьях 41 и 42, не может быть предложено Советом Безопасности».

И по этой именно причине мое правительство серьезно сомневается в юридической вескости соображений Подкомитета и его рекомендаций, которые на них основаны.

Мне могут сказать, я знаю, что все это юридические увертки, но я не могу с этим согласиться. Мне кажется чрезвычайно важным установить в делах такого рода пределы полномочий Организации Объединенных Наций. Мы должны основывать наши решения на Уставе, и было бы действительно трагично, если бы главной жертвой в данном случае оказался сам Устав. Несомненно, что с течением времени придется толковать Устав в духе того порядка, которому следовали в различных конкретных случаях. Устав не может быть формулирован так, чтобы он предусматривал всякое возможное положение, могущее возникнуть в будущем. Но мне кажется чрезвычайно важным, чтобы, применяя различные статьи Устава, мы имели под собой абсолютно твердую почву.

В данном случае мое правительство, как я старался объяснить, соглашается с тем, что положение в Испании далеко не удовлетворительно, и считает, что испанский вопрос несомненно представляет собою весьма серьезную проблему. Мне кажется, что это подтверждается декларациями, в которых мое правительство участвовало и на которые я уже ссылался. Оно вполне готово согласиться, чтобы столь серьезное дело было рассмотрено Генеральной Ассамблеей на ее сессии в будущем сентябре. Мое правительство желало бы, чтобы Ассамблея обсудила весь вопрос и выяснила, правда ли, как утверждает представитель Польши, что теперешнее правительство Испании представляет собою угрозу поддержанию международного мира и безопасности. Мое правительство хотело бы, чтобы вся юридическая основа дела была всесторонне рассмотрена и могло быть вынесено авторитетное постановление.

Я не знаю, счел ли бы Совет полезным, в целях облегчения Генеральной Ассамблее ее задачи, обратиться теперь же к Международному Суду с просьбой о консультативном заключении, которое могло бы пригодиться Ассамблее на ее сентябрьской сессии. Я не знаю, возможно ли сделать это в течение оставшегося короткого времени, и, конечно, не хочу вызывать этим какой-либо задержки, но я все же предлагаю, если Совет сочтет это уместным и желательным, чтобы мы обратились к Суду немедленно и просили его подготовить свое консультативное заключение.

Я предлагаю поэтому внести небольшую поправку, в результате которой мы примем первый пункт проекта резолюции г-на Эватта, который был предложен на нашем предыдущем заседании и говорит о том, что мы присоединяемся к декларации от 4 марта; мы примем также второй пункт, который рекомендует, чтобы мы представили доклад и материалы Генеральной Ассамблее, но без каких-либо конкретных рекомендаций. Мы можем также согласиться и с третьим пунктом, предлагающим Генеральному Секрета-

рю предоставить всем членам Организации Объединенных Наций необходимую документацию.

На первый взгляд это может показаться равносильным сведению на нет резолюции г-на Эватта, но по правде говоря я не думаю, чтобы это было совсем так. Согласно его резолюции, как и согласно моей поправке, окончательное решение будет зависеть от Генеральной Ассамблеи. С этим мы оба согласны. Генеральная Ассамблея не соберется ранее сентября, и ее решение не может быть принято раньше этого срока, так что рекомендуемая мною поправка не вызовет никакого промедления.

Кроме того, мы все должны согласиться, что Генеральная Ассамблея сохраняет за собой право окончательного решения, и решение это вполне авторитетно. Даже если мы формулируем рекомендации и укажем, как по нашему мнению Ассамблее следует поступить, она не обязана следовать подобным рекомендациям. Если Ассамблея решит, что режим Франко может угрожать поддержанию международного мира и безопасности, по смыслу положений Устава, то следующим ее шагом будет решение о том, какие именно меры могут или должны быть в данном случае приняты в отношении испанского правительства. Во всяком случае мое правительство считает нужным подчеркнуть, что оно желает поступить в этом деле в строгом соответствии с правами, предоставленными Уставом, и что, вообще говоря, оно принципиально полагается на Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций.

Я надеюсь, что составленный мною проект поправки будет скоро роздан остальным членам Совета, и прошу их ознакомиться с ним, чтобы мы могли прийти в этом вопросе к соглашению.

Переводчик оглашает текст поправки, внесенной представителем Соединенного Королевства:

«Заменить два последних абзаца следующим текстом:

Совет Безопасности постановляет

принять все три вышеизложенные рекомендации Подкомитета, при условии изъятия части пункта *b.* следующей за словами «и его доклады» и добавления вместо этого слов «вместе со стенографическим отчетом обсуждения этого дела Советом Безопасности».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Представителем Соединенного Королевства подняты два различных вопроса. Первый вопрос — это испрошение заключения Международного Суда, а второй — предлагаемая поправка к резолюции о докладе Подкомитета. Каким из них мы должны заняться в первую очередь? Ввиду того что рассматривается доклад Подкомитета, мы должны, по-моему, отложить пока вопрос, касающийся Международного Суда, и продолжить начатую дискуссию.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я просил предоставить мне слово, так как думал, что мне ставится вопрос. Я бы предложил, чтобы Совет рассмотрел сейчас внесенную мною поправку к австралийской резолюции. Я высказал мнение, что Совет мог бы пожелать обратиться к Между-

народному Суду, но не хочу вносить этого предложения официально. Я подал эту мысль на случай, если Совет пожелает принять ее во внимание и обсудить ее, найдя что она может быть полезна и разумна. Члены Совета могут принять собственное решение по этому вопросу, но в настоящее время, мне кажется, надо сначала обсудить мою поправку.

Г-н ЭВАТТ (Австралия) (*говорит по-английски*): Если я не ошибаюсь, вопрос, рассматриваемый в настоящее время Советом, заключается в конкретной поправке, внесенной сэром Александром Кадоганом к резолюции, которую я предложил от имени Подкомитета на сорок пятом заседании. Моя резолюция заключала в себе изменение первоначальной рекомендации, инициатором какого изменения был представитель Соединенных Штатов, хотя окончательный текст рекомендации не может всецело быть ему приписан.

Предлагая измененную резолюцию, я не пытался ее обосновать, так как сохраняя за собой право ответить на те критические замечания и поправки, которые эта резолюция могла бы вызывать, и я полагаю, что — ввиду чрезвычайного значения вопроса, который действительно очень важен, — я смогу помочь Совету, если выскажу свои взгляды именно в этой стадии прений; к тому же мне кажется, что взгляды эти разделяются многими членами Совета и в том числе и членами Подкомитета.

Мы предложили резолюцию, содержащую три рекомендации, которые касались принятия Организацией Объединенных Наций известных мер. Первая из них предлагала Совету присоединиться к декларации трех держав, сделанной в марте сего года правительствами Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Франции; но поправка, предложенная сэром Александром, никоим образом этого не касается. Иначе говоря, его поправка относится лишь ко второй рекомендации. В сущности он предлагает передать весь доклад с относящимися к нему материалами Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций, не делая при этом никаких рекомендаций.

Предложение Подкомитета, измененное так, как я об этом говорил, заключается в том, чтобы доклад и соответствующие материалы были представлены Генеральной Ассамблее с рекомендацией о том, чтобы члены Организации Объединенных Наций порвали дипломатические отношения с правительством Франко или чтобы были приняты другие меры, которые Ассамблея, собравшись в сентябре, сочтет подходящими и действительными, в случае если правительство Франко не уйдет к тому времени добровольно, следуя мартовской декларации трех держав. Третья рекомендация не затрагивается поправкой.

Прежде чем подвергнуть рассмотрению поправку, внесенную сэром Александром, мне надо будет коснуться другой критики, которая исходила от г-на Громыко и была сформулирована им на последнем заседании. Эта критика сводится к тому, что г-н Громыко считает рекомендации Подкомитета неудовлетворительными и не достаточно решительными.

Он полагает, что условия, предусмотренные статьей 39 Устава, имеются налицо, и, по его мнению, в настоящей обстановке Совет Безопасности имеет право принять все предусмотренные главой VII меры, вплоть до открытия Объединенными Нациями военных действий против Испании. Г-н Громыко в довольно резких выражениях высказал мнение, что Подкомитет должен был прийти к заключению, что режим Франко представляет не потенциальную угрозу международному миру и безопасности, но фактически существующую угрозу миру, так что Совет мог бы на законном основании применить главу VII. Г-н Громыко хотел бы, чтобы Совет принял против этого режима непосредственные меры теперь же. Он не предлагает, чтобы Генеральная Ассамблея обсудила возможность разрыва дипломатических отношений. Нет, он не имеет этого в виду. Он предлагает потребовать от членов Организации Объединенных Наций, чтобы они, основываясь на главе VII, порвали дипломатические отношения с Испанией. Но коль скоро взят этот курс, законный лишь постольку, поскольку имеется угроза миру или акт агрессии или нарушение мира, то из Устава вытекает совершенно ясно, что придется идти до конца, чтобы устранить появившуюся угрозу. Конец этот, как я уже сказал, — это фактическое ведение войны, и, выражаясь категорически, надо будет предпринять военные действия в воздухе, на суше и на море для достижения желаемых результатов.

Г-н Громыко возражает также против передачи испанского вопроса Генеральной Ассамблее. Он говорит, что Совет Безопасности должен выполнить свою главную обязанность по поддержанию международного мира и безопасности. Это действительно главнейшая обязанность Совета. В этом сомнения нет. Но Совет не может руководствоваться главой VII, если факты не оправдывают мер, предусматриваемых упомянутой главой, и если, по мнению Подкомитета, с некоторыми оговорками со стороны представителя Польши, создавшаяся ситуация не подпадает под действие статьи 39, в чем я все больше убеждаюсь по мере того, как знакомлюсь с этим вопросом.

Что бы мы ни думали об этом режиме, — а мое мнение по этому поводу было мною высказано и я его не изменю, — мы не можем искажать фактов, для того чтобы предпринять на основании Устава нечто такое, чего Устав нам не разрешает.

Я понимаю чувства г-на Громыко в отношении этого правительства. Оно вело войну против Союза Советских Социалистических Республик и направляло свои силы против России. Семьдесятых речи г-на Громыко относятся к различным аспектам этого вопроса. Я хорошо понимаю, что должен думать его народ о подобной ситуации и о продолжающемся существовании режима, который, вероятно, ответствен за смерть многих тысяч русских солдат, да и за смерть многих тысяч союзных солдат также, ибо приведенные в этом докладе факты категорически подтверждают, что в течение войны правительство Франко делало все, что только смело делать, чтобы помочь нашим противникам. Я не буду возвращаться ко всему этому, но все это совершенно справедливо.

Мы должны взглянуть в Устав и выяснить, что может служить оправданием нашего вмешательства в это дело. Изучение фактов, по моему мнению, приведет к двум результатам. Оно прежде всего подтвердит, что по Уставу нельзя сделать того, чего хочет г-н Громыко, а затем — что нет оснований говорить, что данный случай является по существу вопросом внутренней компетенции Испании, в который мы поэтому вовсе не должны вмешиваться. Это приводит меня к другой стороне высказанной критики. С одной стороны говорят, что рекомендации чересчур решительны и заходят слишком далеко, с другой стороны — их находят недостаточными.

Это приводит меня к предложению сэра Александра, а его затруднения заключаются главным образом в толковании Устава. В сущности он говорит следующее. У него возникают сомнения в том, является ли проблема вопросом внутренней компетенции. Я не стану оглашать всей статьи, так как мои коллеги должны быть с ней знакомы. Каждое слово этой статьи запечатлелось в сердце большинства тех, кто выковал ее в Сан-Франциско. Мы знаем, что имелось тогда в виду, и я считаю, что цель была достигнута. Я в данном случае говорю о гарантиях против вмешательства в дела, которые по существу относятся к внутренней компетенции государств.

Мне кажется, что будет уместно и полезно, если члены Совета позволят мне прочесть две небольших выдержки из речей, произнесенных крупными государственным деятелями, так как эти выдержки имеют отношение к тому, что именно подразумевается упоминаемой статьей.

Первая выдержка взята из речи, произнесенной г-ном Корделлом Холлом 9 апреля 1944 года, и часть этой речи я процитировал на сорок четвертом заседании. Вот, что он сказал:

«От бесчечного безразличия в отношении учреждений, основанных на зле, мы перешли к убеждению в том, что свободные правительства и нацистские и фашистские правительства не могут существовать вместе в этом мире в силу характера и духа нацистских и фашистских правительств, толкающих эти правительства на агрессию, в то время как сама природа свободолюбивых правительств слишком часто подвергает их риску предательского и хорошо подготовленного нападения».

Затем есть речь г-на Джемса Бернса, сказанная 31 октября 1945 года, которая тоже имеет близкое отношение к вопросу. Он сказал:

«Политика невмешательства во внутренние дела не означает одобрения местной тирании. Наша политика имеет целью охранять право наших соседей на развитие своей свободы по собственному усмотрению. Но наша политика не имеет целью давать им возможность посягать на свободу других народов. Горький опыт последних десяти лет показал нам, что нацистские и фашистские планы внешней агрессии начинаются с тирании внутри своей страны, причем эта тирания обманчивым образом оправдывается тем, что дело идет о чисто местных вопросах. Мы поняли, что за тиранией, где бы она ни была, надо следить, так как она может представить собой угрозу безопасности соседних стран и стать вскоре вопросом, затрагивающим все государства».

Глядя на положение дел в какой-либо стране, вы начинаете с утверждения, что никому нет дела до того, какую форму правления установил у себя данный народ. Это на первый взгляд вопрос, который входит главным образом во внутреннюю компетенцию государства; но если факты указывают, что данный режим по своему характеру, по своим приемам и поступкам может нарушить международный мир и создать угрозу своим соседям, то его существование перестает быть вопросом внутренней компетенции. На этой основе построен Устав.

Как на это правильно указал сэр Александр, в этом же самом пункте приведено исключение, касающееся принудительных мер, предусмотренных главой VII. Я говорю теперь о статье 2, но нельзя искать в исключении интерпретацию самого правила. Единственные вопросы, в которые нам запрещено вмешиваться, это те, которые относятся главным образом ко внутренней компетенции каждого государства. Если они не имеют именно такого характера и затрагивают международную безопасность, то Организация Объединенных Наций не только имеет право, но и обязана принять надлежащие меры. Представитель Соединенного Королевства упомянул также, что так как разрыв дипломатических отношений подпадает под главу VII, то нельзя применять процедуру, направленную на достижение более или менее аналогичных результатов, основываясь на главе VI. Мне кажется, что такое заключение не совсем в данном случае уместно. В случае угрозы миру или нарушения мира Совет Безопасности имеет право, согласно главе VII, потребовать разрыва дипломатических отношений. Согласно предлагаемой нами процедуре мы передаем дело высшему руководящему органу Объединенных Наций и говорим: «Вот в чем дело. Три великие державы сделали по поводу Испании декларацию. В общем они считают, что режим Франко должен быть устранен или должен устраниться добровольно». Мы уже пришли к заключению, что в сущности это значит: не допускать этого правительства в Организацию Объединенных Наций и не принимать Испании, пока продолжает существовать данный режим.

Не будет ли логично и разумно, и не будет ли для Генеральной Ассамблеи правильным методом урегулирования положения, если она объявит, что необходимо порвать дипломатические отношения с этим правительством и не поддерживать их, пока подобная обстановка продолжает существовать?

Сэр Александр говорит также, что Ассамблея может передать дело Международному Суду, если она этого пожелает. Но это, конечно, повлечет за собой промедление и отсрочку вопроса на многие и многие месяцы, если судить по длительности рассмотрения дел судом, существовавшим при Лиге Наций. Мы должны в данном вопросе остерегаться шагов, которые неизбежно вызовут промедление.

Я хочу напомнить членам Совета, что Совет рассматривал чрезвычайно важный юридический вопрос в связи с иранским спором. Генеральный Секретарь дал свое толкование Устава по поводу права Совета сохранить дело на повестке дня. С этим мнением Совет не согласился, и если бы

тогда настаивали на юридической стороне дела, то возможно, что поступило бы предложение передать вопрос Международному Суду. По моему мнению, мы не должны передавать дел Суду, за исключением тех случаев, когда это совершенно необходимо. Совет может во многих случаях самостоятельно принимать решения и должен так поступить и в данном деле.

Подкомитет действовал в рамках Устава, по букве Устава и в духе Устава. Сэр Александр сказал, что мы не поднимали вопроса о внутренней компетенции. Совершенно верно, что мы не привели юридических доводов, но весь вопрос по существу излагается в пункте 4 нашего доклада, который говорит:

«Также очевидно, что факты, установленные доказательствами, находящимися в распоряжении Подкомитета, не являются по существу местным или внутренним делом Испании. Режиму Франко вменяется в вину то, что он является угрозой поддержанию международного мира и безопасности и вызывает международные трения. То, что вменяется режиму Франко, выходит далеко за пределы его внутренней юрисдикции и касается как поддержания международного мира и безопасности, так и бесперебойной и эффективной работы Объединенных Наций как организации, главной обязанностью которой это является».

Так взглянул на вопрос Подкомитет и, в силу своего заключения, что режим Франко представляет потенциальную угрозу миру, он исключает применение пункта, касающегося внутренней компетенции.

Итак, вот как обстоит дело. Первая рекомендация Подкомитета заключается в том, чтобы Совет присоединился к декларации трех держав. Мне кажется, что значение этой декларации не было достаточно учтено. Это декларация трех великих держав, и в ней говорится, что правительства обменялись взглядами относительно существующего испанского режима и их отношения к этому режиму. В этой декларации говорится:

«Они пришли к соглашению о том, что, пока у власти в Испании будет находиться генерал Франко, испанский народ не может надеяться на полные и сердечные отношения с теми странами мира, которые, в результате общих усилий, обеспечили поражение германского нацизма и итальянского фашизма, содействовавших приходу к власти нынешнего испанского режима и по образцу которых был создан этот режим.

У трех правительств нет намерения вмешиваться во внутренние дела Испании. Испанский народ должен сам, в конце концов, выковать свою судьбу. Несмотря на репрессивные меры, принимаемые настоящим режимом против закономерных попыток испанского народа организоваться и выразить свои политические чаяния, три правительства надеются, что испанский народ не будет вновь подвергнут ужасам и горечи междоусобной распри».

Подкомитет желает, чтобы ко всему этому Совет присоединился, и я полагаю, что против этого не имеется никаких возражений. Эта часть рекомендации не встречает критики со стороны

г-на Громыко. Он не упоминает о ней, а сэр Александр ее принимает. Декларация говорит дальше:

«Наоборот, выражается надежда, что передовые патриотичные и либерально мыслящие испанцы скоро найдут способ добиться мирного ухода Франко, упразднения фаланги и установления временного правительства для ведения текущих дел, под чьим управлением испанский народ имел бы возможность определить тот род правительства, который ему угоден, и выбрать своих лидеров».

Сущность Атлантической хартии не заключалась в том, что всякий режим, где бы они ни был, будет пользоваться особой защитой, а в том, что народы всех стран имеют право свободно выбирать ту форму правления, которую они желают. Цитирую дальше:

«Политическая амнистия, возвращение высланных испанцев, свобода собраний и политических союзов и установление свободных народных выборов являются насущно необходимыми. Временное правительство, которое посвятит себя достижению этих целей и останется им верным, должно получить признание и поддержку всех миролюбивых народов».

Я считаю, что каждая фраза этой декларации, которая представляет собой заявление трех посторонних Испании держав, является таким же вмешательством во внутренние дела правительства Испании, как и всякая другая мера, принятая Организацией Объединенных Наций. Вся декларация сводится к указанию, что данный режим в Испании не позволяет другим государствам с ним сотрудничать ввиду его исторического прошлого и представляемой им, в связи с этим, возможной угрозы и потенциальной опасности международному миру. Дальше декларация говорит:

«Такое признание выразится в установлении полных дипломатических отношений... Такие меры в настоящее время неосуществимы. Вопрос о поддержке или преобразении правительствами Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки дипломатических отношений с теперешним испанским режимом подлежит разрешению в свете событий и с учетом усилий испанского народа, направленных на достижение своей свободы».

Но статья 2 запрещает не только конкретные меры; она запрещает и рекомендации. Декларация трех держав была посвящена испанскому вопросу и им занималась также лондонская сессия Генеральной Ассамблеи, так как резолюция Ассамблеи не только говорит, что правительство Франко не должно быть допущено в число членов Организации, но и что каждое государство должно поступать по духу и букве этой резолюции.

Не всегда можно применять такое правило, и есть случаи, когда рекомендации и доклады рассматриваются одними как слишком решительные, а другими — как недостаточно решительные, причем и в том и в другом случае по разным причинам. В таком случае соответствующий орган должен будет обсудить и решить, является ли, при данных обстоятельствах, рекомендация приемлемой.

По моему мнению, эта рекомендация Подкомитета разумна и должна быть принята. Во-первых, нам, т. е. Совету Безопасности, предлагается присоединиться к рекомендации трех держав. Во-вторых, мы делаем свою рекомендацию о том, как должна поступить Генеральная Ассамблея. Последняя не обязана принимать нашей рекомендации. Ассамблея состоит из представителей пятидесяти одного государства, а не одиннадцати, и мы думаем, что будет уместно их проконсультировать. Если эти государства пожелают получить заключение Международного Суда или исходящее из какого-либо другого источника, они могут это сделать, но мне кажется, что заявления г-на Бернса и г-на Корделл Холла трактуют этот вопрос с принципиальной точки зрения, и нет оснований прибегать к консультации Суда.

Я постарался охватить все стороны вопроса и указал ранее, что, соглашаясь во многом с осуждением этого режима, т. е. фактически с осуждением, сформулированным г-ном Громыко, я все же считаю своим долгом сказать откровенно г-ну Громыко, что Совет Безопасности попадет в неловкое положение и причинит ущерб Организации Объединенных Наций, если мы примем меры, не имеющие под собой надежного фундамента.

Так как г-н Громыко считает предложенные меры недостаточно решительными и думает, что они не идут достаточно далеко в отношении главы VII, он фактически дает понять, что не будет их поддерживать. Я позволю себе заявить ему и Совету, что это неправильный подход к вопросу; несомненно большинство Совета стоит за доклад Подкомитета, и те, кто в Совете пользуются в отношении решений Совета особым правом, называемым правом вето, должны осуществлять его только в совершенно исключительных случаях и должны считаться с демократическим большинством Совета, если таковое имеется. Если дело не идет так, как мы бы этого желали, мы все же не должны пренебрегать мнением большинства.

Вот почему я считаю этот вопрос важным. Он важен не только потому, что режим Франко угрожает другим, и не только потому, что мы желаем, чтобы народ Испании вышел из потемок, в которых он пребывает, и вступил, встреченный приветствиями, в Организацию Объединенных Наций, где бы его демократическое развитие было обеспечено, но и потому, что дело идет о принципиальных, поднятых здесь, вопросах.

Подкомитет в своем докладе затронул эти вопросы и осветил их добросовестно. Я никогда не имел чести работать в комитете, который бы так серьезно прорабатывал вопрос, чтобы привести его к справедливому решению, — не удобному, а именно справедливому, — которое соответствует духу и букве Устава. Поэтому я высказываюсь за то, чтобы Совет не принимал поправки, хотя и отдаю должное той откровенности, с которой сэр Александр обрисовал свои затруднения. Он правильно сказал, что его поправка все же имеет в виду передачу вопроса Генеральной Ассамблее, с тем чтобы Ассамблея обратилась к Совету за известным указанием.

Мне кажется, мы должны дать это указание, и я предполагаю, что Совет присоединится к первой рекомендации. Как я уже сказал, г-н Гро-

мыко не подверг ее критике. Я предлагаю, чтобы мы приняли также вторую рекомендацию и отклонили поправку, внесенную сэром Александром. Я думаю, что нет сомнений в том, что мы должны принять и третью рекомендацию.

Я должен просить извинения за попытку вновь поднять все эти вопросы, но они имеют первостепенную важность. Я надеюсь, что ничего не упустил в своей речи. Я пытался охватить все и прошу, чтобы рекомендации Подкомитета, видоизмененные им и мною, после того как они были предложены по инициативе представителя Соединенных Штатов, были поддержаны Советом и чтобы резолюция была принята без изменений.

Г-н ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): С тех пор как испанский вопрос поступил на рассмотрение Совета Безопасности, я впервые могу совершенно свободно высказать мои взгляды. Я сделаю это довольно кратко, ввиду весьма обстоятельных объяснений, данных только что г-ном Эваттом. Тем не менее я считаю нужным особо подчеркнуть некоторые вопросы.

Позвольте мне начать с поправки, внесенной представителем Соединенного Королевства, и, в частности, с критики, которой он подверг доклад с правовой точки зрения, исходя из пункта 7 статьи 2 Устава. Я утверждаю, что мы избрали неверный путь, приняв за отправную точку эту статью, в силу которой мы имеем право вмешиваться во внутренние дела государства лишь в случаях применения принудительных мер и только тогда, когда мы основываем рекомендацию Подкомитета на главе VI Устава. Признаюсь, я не совсем понимаю эту аргументацию, которая, мне кажется, лишена всякого значения, коль скоро она опирается на пункт 7 статьи 2. Ведь речи нет, действительно, о нашем вмешательстве во внутренние дела Испании, ибо если согласиться с этой точкой зрения, то все доводы, которые мы выслушали, в корне неправильны. Главный вопрос заключается в том, представляют ли собой факты, приведенные в докладе Подкомитета и единодушно им признанные, вмешательство во внутренние дела Испании и являются ли они угрозой миру.

Совершенно очевидно, что события, которые, развиваясь в пределах данной страны, подвергают опасности всеобщий мир, перестают быть внутренним делом. С этого момента доминирующим является их международный характер, и статья 2, на которую ссылается представитель Соединенного Королевства, не касается исключительно дел внутренней компетенции государства, но касается дел, которые «по существу» входят во внутреннюю компетенцию любого государства. Поэтому надо прежде всего установить, имеют ли предложенные нам рекомендации характер вмешательства во внутренние дела Испании и существует ли действительно угроза всеобщему миру.

Пережитый нами за последние двадцать лет опыт достаточно трагичен, чтобы дать миру основание не слишком скоро его забыть. Мы были свидетелями зарождения и роста фашистского режима в Италии; позже мы увидели, как сложился и окреп с невероятной быстротой гитлеровский режим в Германии. Страны, которые долж-

ны были обеспечить сохранение всеобщего мира, т. е. свободолюбивые демократии, были свидетелями феноменального развития этих двух режимов. Эти страны не вмешались и, в результате, в один прекрасный день последовал ряд нападений. Что предприняли тогда правительства? Перед ними встала угроза, настолько серьезная, что фактически нельзя было вмешаться, не вызвав этим немедленной войны, в благоприятном исходе которой они уж не были уверены. К чему привела нас такая политика? Она просто втянула нас в авантюру, в которой едва не погибли всеобщая свобода и цивилизация. Я надеюсь, что мы не так скоро забудем этот горький опыт.

Почему диктаторские режимы обязательно приводят к войне? Потому что они лишают народ свободы и не дают ему возможности развить социальную справедливость. Чтобы поднять свой авторитет в моральном и психологическом отношении, этим режимам не остается ничего другого, как соблазнить народ ореолом славы, толкая его на путь войны, орошенный слезами и кровью.

Каков тот режим, который мы видели в Испании? Я ограничусь заключениями о фактической стороне вопроса, которые приведены в докладе, единодушно принятом членами Подкомитета. Речь идет о режиме, который с самого своего появления вызвал в Испании жесточайшую и ужаснейшую гражданскую войну и который смог восторжествовать лишь потому, что его с самого начала неизменно поддерживали итальянский фашизм и германский нацизм. Доклад очень кстати напоминает об этих фактах, которые должны у нас запечатлеться в памяти.

Режим, который в течение всей войны и, конечно, со всеми мерами предосторожности, вызываемыми его слабостью, оказывал всемерную поддержку вражеским державам всеми косвенными способами, какими только мог; страна, которая непосредственно приняла участие в войне, как нам об этом только что напомнили, ибо испанские войска сражались против одного из союзников; режим, который в своем настоящем виде продолжает подавлять всякую свободу, преследует ее защитников и ежедневно прибегает к самым отвратительным методам, которые, как мы знаем, характеризуют фашистов, — вот, с чем нам надо считаться.

Этот режим совершенно такой же, как и режим Гитлера и режим фашистов. Впрочем, доклад приводит поразительные в этом отношении выдержки, как например письмо генерала Франко Гитлеру, где он говорит: «Исторически предопределено, что Вы, я и дуче связаны неразрывно»¹⁶⁹, а также эти слова, которые тоже приводятся в докладе и иллюстрируют определение понятия мира, данное генералом Франко: «Мира не существует. Мир — это неустанная подготовка к войне»¹⁷⁰.

Вот основа режима, господствующего сейчас в Испании. Говорят, что этот режим недостаточно в настоящее время силен, чтобы начать войну. Ясно, что он недостаточно силен, чтобы начать

¹⁶⁹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Специальное дополнение, пересмотренное и исправленное издание, стр. 12.

¹⁷⁰ Там же, стр. 14.

войну против народов всего мира. Но мы живем в мире, который все еще сильно взбаламучен и в котором к сожалению достаточно оснований для тревоги. Год спустя после того, как прекратились военные действия, мы констатируем, что мир нигде еще не заключен. Мы продолжаем пребывать в мире неуравновешенном и даже более неуравновешенном, чем когда-либо. Опасно допускать, чтобы в какой-либо стране без помехи укреплялся режим, который по своей природе ведет к войне и не может существовать без военной славы. Это отметил доклад в очень разумных, по моему мнению, выражениях. Налицо угроза, которая еще не облеклась в реальную форму и не вылилась в акты агрессии, но которая, тем не менее, должна считаться потенциальной угрозой.

Чтобы иллюстрировать примером то, что я сказал, я допущу гипотезу, искренне надеясь что она не осуществится, так как у меня слишком много симпатии к испанскому народу, чтобы не пожелать ему избежать ужасов второй гражданской войны. Но предположим все-таки, что гражданская война вспыхнет завтра в Испании. Не появится ли немедленно в этом случае серьезная угроза всеобщему миру? Быть может, будет слишком поздно для Организации Объединенных Наций вмешаться успешно в это дело, ввиду тех ограниченных возможностей, которые она имеет в настоящее время в своем распоряжении.

Доклад, представленный Подкомитетом, имеет чрезвычайно большое значение. Каково бы ни было решение, которое последует в результате наших прений, известные существенные достижения налицо. Не малым достижением является единогласное принятие пятью членами Подкомитета резолюции, суровые выражения и практические заключения которой вам известны.

Я удовлетворен составом Подкомитета. Я особенно рад тому, что в Подкомитет вошли лишь два члена, представляющие европейские страны, и что три члена Подкомитета, вследствие географического положения их государств, могли беспристрастно и объективно судить об испанской ситуации, придав этим больше веса принятому решению. Я с особым удовлетворением отмечаю участие г-на Эватта, представителя Австралии, в прениях Подкомитета; он принадлежит к стране, находящейся в другой части земного шара, которая, повторяю, имеет возможность судить о данном деле, руководствуясь исключительно принципами справедливости. Важно то, что рекомендация Подкомитета, измененная в предложенном нами смысле¹⁷¹ и формулированная в чрезвычайно решительных выражениях, притом с сохранением главной части первоначального предложения, встретила одобрение со стороны восьми членов Совета Безопасности¹⁷².

Один из членов Совета, не одобрявших доклада, нашел, что доклад этот не идет достаточно далеко. Вот к чему мы пришли. Я искренно надеюсь, что в целях укрепления авторитета Совета Безопасности и содействия его работе, мы не ограничимся уже вынесенным моральным осуждением, а что рекомендация Подкомитета будет в конце концов принята и предоставлена Ге-

¹⁷¹ См. тридцать седьмое и тридцать восьмое заседания.

¹⁷² См. тридцать девятое заседание.

неральной Ассамблее в той самой формулировке, в которой она была предложена на последнем заседании.

Что касается меня, то я не могу поддержать поправку, внесенную представителем Соединенного Королевства, но я надеюсь, что он быть может согласится пересмотреть свою позицию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Так как в списке не значится больше ораторов, я обращусь к Совету в качестве представителя Мексики. Ознакомившись с докладом, представленным Подкомитетом, я хочу высказать в Совете некоторые взгляды и замечания, относящиеся к позиции моей страны, равно как и к некоторым аспектам этого документа.

Резолюция, предусматривавшая назначение Подкомитета, была принята, несмотря на серьезные возражения, вследствие общего желания избежать в этом деле каких-либо разногласий. Некоторые члены Совета не удовлетворились доказательствами, имевшимися в то время в нашем распоряжении, и высказались в пользу дальнейшего обследования существующего в Испании положения, с тем чтобы выяснить действительно ли режим Франко представляет угрозу международному миру и безопасности.

Мексиканская делегация пришла тогда к убеждению, которое разделяет и теперь, что такое обследование не представляется абсолютно необходимым, так как имеющиеся в нашем распоряжении доказательства, как и само существо дела оправдывают, в силу своего характера, немедленные меры. Мы присоединились к остальным членам Совета и голосовали за окончательный текст австралийской резолюции, полагая, что заключения Подкомитета смогут переубедить членов Совета, считавших ненужным действовать, и надеясь, что, в конце концов, Совет примет единое решение, которому мы придавали в этом вопросе большое значение.

Что касается доклада, то хотя мы и не разделяем некоторых содержащихся в нем взглядов и выводов, я все же отметил с удовлетворением, что заключения Подкомитета о фактической стороне вопроса, оправдывают занятую мексиканским правительством позицию, о которой я говорил на тридцать четвертом заседании Совета, состоявшемся 17 апреля сего года. В частности, доклад присоединяется к нашей позиции, устанавливая, что режим Франко появился в результате вмешательства нацистской Германии Гитлера и фашистской Италии Муссолини во внутренние дела Испании, и характеризуя в то же время положение дел в Испании, как имеющее международное значение.

Оба эти факта вместе с резолюциями, принятыми Объединенными Нациями в Сан-Франциско¹⁷³ и в Лондоне¹⁷⁴, а также с декларацией, сделанной в Потсдаме¹⁷⁵, и с декларацией трех держав, как и с резолюцией¹⁷⁶, вынесшей моральное осуждение режиму Франко и принятой за этим

столом несколько недель тому назад, — должны раз навсегда устранить утверждение, будто принятие мер, соответствующих духу этих заявлений, было бы актом ничем не оправдываемого вмешательства во внутренние дела Испании. С другой стороны, само существование режима Франко является несомненным и непосредственным результатом вмешательства иностранных вооруженных сил, отправленных в республиканскую Испанию Гитлером и Муссолини. Пока это правительство будет оставаться у власти, его вмешательство в вопросы, зависящие от свободной и суверенной воли испанского народа, будет продолжаться без помехи.

Доклад Подкомитета упоминает о резолюциях об Испании Франко, принятых в Сан-Франциско, в Лондоне и в Нью-Йорке, так же как и о Потсдамской декларации и о декларации трех держав, чтобы указать, что по этому вопросу уже было ранее вынесено известное суждение. Эти документы, значение которых ни в коем случае не должно быть преуменьшено, выделяют данный вопрос из числа других, с которыми он не может и не должен быть связан. Активное участие Франко в войне, которое также установлено рассмотренными Подкомитетом доказательствами, и его соучастие в агрессивных замыслах держав оси привело к недопущению Испании в нашу Организацию, имеющую целью поддержание всеобщего мира и появившуюся на свет как ответ цивилизованного мира на мировой пожар и перенесенные испытания. Это определенно обособленный вопрос, который требует особого, а не обычного к себе отношения и специального трактования. Поэтому я думаю, что нас не должна слишком удерживать боязнь установления прецедентов, которым надо будет будто бы без разбора следовать в будущих случаях — совершенно иных по своему характеру. Нашей главной целью должно быть, я полагаю, действовать сообразно духу и смыслу вынесенного по этому вопросу суждения.

Что касается того, представляет ли режим Франко угрозу поддержанию международного мира и безопасности, мы совершенно уверены, что ответ на это может быть дан лишь утвердительно, что этот ответ достаточно обоснован.

Главное вытекающее из доклада Подкомитета заключение, наиболее ярко отражающееся на мировом демократическом мнении, это несомненное убеждение, что фашистский режим Франко по своему происхождению, своей природе, структуре, внутренней и внешней деятельности и несовместимости с целями и принципами Организации Объединенных Наций заслуживает осуждения и что Совет Безопасности не только имеет право, но и обязан действовать без дальнейшего промедления. Пора Совету Безопасности принять эффективное конкретное решение относительно проблемы несомненно самой ясной из тех, которые когда-либо предлагались вниманию Совета и в отношении которых Организация Объединенных Наций и Союзные державы уже связали себя определенной точкой зрения и единодушно принятой позицией.

Доклад Подкомитета начинается со вступления, в котором между прочим говорится следующее:

¹⁷³ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Специальное дополнение, пересмотренное и исправленное издание, стр. 41.

¹⁷⁴ Там же, стр. 42.

¹⁷⁵ Там же, стр. 41.

¹⁷⁶ Там же, стр. 42.

«Не может быть сомнения в том, что положение в Испании имеет международное значение. Этот факт достаточно подтвержден резолюцией первой части первой сессии Генеральной Ассамблеи в Лондоне, резолюцией Совета Безопасности и совместной декларацией Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Франции от 4 марта 1946 года».

Подкомитет единодушно пришел к некоторым чрезвычайно важным заключениям, а именно:

что режим Франко является фашистским режимом, установленным по образцу и в значительной степени при помощи нацистской Германии Гитлера и фашистской Италии Муссолини;

что в течение войны Франко оказал очень существенную помощь вражеским державам, сражался против СССР на восточном фронте и захватил Танжер в нарушение международного статута;

что, как установлено неоспоримыми документальными доказательствами, Франко был виновен в участии вместе с Гитлером и Муссолини в заговоре, имевшем целью войну против Объединенных Наций;

что против Франко имеются доказательства такого же рода, как и те, которые были представлены на Нюрнбергском процессе военных преступников для поддержания обвинения в «преступлениях против мира, а именно в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны, т. е. войны, нарушающей международные договоры, соглашения и обязательства, а также в участии в общем плане или заговоре, направленном на совершение одного из указанных преступлений»;

что режим Франко продолжает применять методы преследования политических противников и полицейский надзор над испанским народом, что характерно для фашистских режимов, но несовместимо с принципами Объединенных Наций, касающимися уважения прав человека и основных свобод;

что число людей под ружьем в Испании много больше, чем можно ожидать в миролюбивой не агрессивной стране;

что совершенно очевидно из доказательств, имеющихся у Подкомитета, что Испания Франко вновь может стать орудием агрессивной войны;

и что, наконец, стратегическое положение и ресурсы Испании, в соединении с признанной неприемлемостью Испании Франко для вступления в Организацию Объединенных Наций, позволяют заключить, что система безопасности Объединенных Наций является в настоящее время в угрожающей степени несовершенной.

Доклад Подкомитета указывает также, что испанская ситуация уже вызвала международные трения и что подобные трения почти наверно повторятся. Окончательный результат обследования настоящей ситуации в Испании приводит Подкомитет к тому убеждению, что продолжение ее может угрожать поддержанию международного мира и безопасности.

Все вышеприведенные заключения, выводы и заявления Подкомитета, должны были, по моему

мнению, побудить Подкомитет предложить Совету Безопасности проект резолюции о разрыве дипломатических отношений с Франко, что явилось бы логическим и бесспорным результатом произведенного обследования.

Доказано без тени сомнения, что режим Франко подвергает угрозе международный мир и безопасность и что он единодушно осужден Организацией Объединенных Наций. Поддержание дипломатических отношений с правительством, которое считается неподходящим для приема в нашу международную организацию, может быть истолковано как противоречащее духу резолюции, не допускающей это правительство в число членов Организации Объединенных Наций. Если фашистский режим Франко не участвует и никогда не сможет участвовать вместе с правительствами, входящими в Организацию Объединенных Наций, в выполнении обязанностей и несении ответственности, предусмотренных Уставом, то нельзя допустить, чтобы этот режим продолжал пользоваться преимуществами и сотрудничеством, связанными с поддержанием дипломатических отношений. Я полагаю, что разрыв этих отношений будет наиболее эффективным из методов, имеющихся в нашем распоряжении и предусмотренных Уставом и будет правильной мерой и логическим последствием заключений Подкомитета.

Поэтому я был немало удивлен, найдя в докладе некоторые, чисто доктринальные выводы, которые привели Подкомитет к заключению, представляющему мне неправильным и опасным. Я имею в виду заключение о том, что «деятельность правительства Франко не представляет собою в настоящее время непосредственной угрозы миру по смыслу статьи 39 Устава, и поэтому Совет Безопасности не правомочен предписать или разрешить принудительные меры, предусмотренные статьями 40 и 42».

Я не могу согласиться с этой стороной доклада Подкомитета и с его толкованием статьи 39 в связи с настоящим вопросом. Я особенно возражаю против пунктов 20, 21 и 22 этого доклада и против заключения, сформулированного в подпункте а пункта 30, и резервирую право моего правительства определить в этом отношении свою позицию.

Тем не менее, принимая во внимание, что предложение о передаче вопроса на рассмотрение Генеральной Ассамблеи поддерживается повидимому большинством Совета и что согласно докладу, как его понимают, эта процедура считается в настоящей обстановке наиболее подходящей, а также учитывая, что рекомендации Подкомитета, содержащиеся в пункте 31 доклада, хоть и менее эффективные, чем те, которые мы поддерживали, все же представляют собой значительный шаг вперед в ряде мер, принятых ранее против фашистского режима Франко, и отвечают интересам испанского народа, — я согласен принять проект резолюции, содержащий рекомендации доклада, которые предложены на рассмотрение Совета представителем Австралии, в качестве председателя Подкомитета.

Поэтому я не буду поддерживать поправки, только что внесенной представителем Соединенного Королевства.

Я внес в список нового оратора — представителя Соединенных Штатов, — но ввиду того, что мы приглашены на прием нашего вышедшего председателя г-на Пароди, — а прием этот

состоится через несколько минут, — заседание закроется и возобновится завтра в 3 ч. дня.

Заседание закрывается в 5 ч. 10 м. дня.